

Погода уже потеплела, воздух был насквозь пропитан ароматом свежей травы. Хотя стояла пора праздника Цинмин, дождя не было. Солнце поднялось высоко, огромное и щедрое, его ласковое тепло расслабляло каждую косточку и сустав в теле. Несколько птичек весело взмахивали лапками, прыгая с ветки на ветку, и звонко щебетали, словно им никак не удавалось наговориться друг с другом.

Цзян Му выбросил только что выполотые сорняки, согнулся пополам, тяжело задышал и дважды глухо кашлянул, а затем, опираясь на надгробный камень матери, медленно опустился на землю. Онтёр со лба выступивший пот и обвёл взглядом полную жизни картину вокруг материнской могилы. Уголки его губ едва заметно дрогнули в улыбке. Цзян Му сильно исхудал, отчего казался высохшим, а его прежде сидевшая по фигуре рубашка теперь болталась на ветру, обнажая острые ключицы и бледную кожу. Лицо тоже осунулось и приобрело нездоровый желтоватый оттенок, выдавая крайнее истощение; волосы спутались и на солнце отсвечивали болезненной желтизной. Однако дух его был крепок: в глазах горел лихорадочный блеск просветления и та самая полнота удовлетворения, когда наконец сбывается заветное желание.

Это был самый тихий и умиротворённый момент за всю его жизнь.

— Сяо Му, живи как положено... даже если мамы не станет... всё равно живи.

— Мама не боится этой болезни, душа болит только за тебя.

— Ты должен нормально есть, высыпаться...

Слова матери перед смертью снова прозвучали в ушах, и улыбка Цзян Му стала чуть горькой. Цзян Му был единственным ребенком в семье. Родители рано развелись, и мать, трудясь с раннего утра до поздней ночи на любых подработках, в поте лица вырастила его, так что к сорока пяти годам её голова уже полностью поседела. Цзян Му клялся себе, что в будущем окружит мать заботой, но стоило ему окончить университет и устроиться на работу, как он даже не успел подарить ей ни единого счастливого дня — у матери обнаружили рак. Ради её лечения он обошел всех родственников, умолял каждого, до кого мог достучаться, и даже влез в долги под огромные проценты, однако всё, что он сделал, так и не смогло спасти материнскую жизнь.

— Мама, прости меня... — вспоминая последние наставления матери, Цзян Му чувствовал, как слёзы застилают глаза. — Я не смог жить как положено... прости...

Девушка бросила его еще тогда, когда он собирал деньги на лечение матери, а колоссальный груз долгов лишал его сна ночами напролёт. Спасаясь от кредиторов, он словно вор был вынужден каждые несколько недель переезжать на новое место. Но даже так к нему то и дело заявлялись люди, чтобы устроить скандал прямо на работе, и вскоре его уволили. Потеряв неплохое место, Цзян Му через силу попытался найти другую работу, но всё было без толку: ни одно его место службы не длилось долго — стоило ему устроиться, как те люди объявлялись вновь, неотступные, как присосавшиеся к костям личинки, и требовали вернуть долг. Дело

было вовсе не в том, что Цзян Му не хотел платить: сколько бы он ни отдавал, выплаты никогда не поспевали за разрастающимися, как снежный ком, процентами. В карманах вечно гулял ветер, а стоило спокойно пройти по улице, как можно было запросто схлопотать тумачков.

По правде говоря, он смертельно устал от такой жизни в бегах. Бывали моменты, когда он поднимался на крышу высотки, но в итоге всё равно спускался обратно. Последняя воля матери заставляла его цепляться за жизнь. Если бы не обуза в его лице, мать после развода с отцом, возможно, нашла бы хорошего мужчину и зажила счастливо, а глядишь — и не ушла бы из жизни так рано... Он и так перед ней в неоплатном долгу, а жить достойно — её единственное упование, как же он мог не исполнить её предсмертное желание?

Именно поэтому, обнаружив следы крови при кашле, он испытал даже некоторое облегчение. Всё более иссушенное тело, слабость в конечностях, тупая боль... он слишком хорошо понимал, что это значит: его бабушка, умершая от рака желудка, уходила точно так же. Когда пришёл результат медицинского заключения, он чуть не заплакал от радости; струна, натянутая до предела, наконец лопнула, и он почувствовал освобождение всем телом и душой. Больше не нужно было себя обманывать, больше не нужно было твердить себе, что всё образуется, ведь он уже так устал.

— Мама, я пришёл к тебе в последний раз, скоро... мы снова будем вместе...

Ветер растрепал и без того взъерошенные волосы, Цзян Му опустил взгляд и тихонько засмеялся.

Он признавал, что был трусом.

Приведя в порядок инструменты для прополки, Цзян Му побрёл обратно по узкой горной тропке. Тёплый горный ветерок приятно ласкал тело и душу: пусть внутри всё ещё тупо ныло, в этот ленивый весенний день казалось, что любые физические страдания можно вытерпеть.

Цзян Му ополоснул руки в ручье. Наверное, из-за близости конца настроение у него было на редкость хорошим, и, заметив по берегам съедобную зелень, он заодно набрал немного диких овощей.

Вернувшись в давно обветшалый старый дом, Цзян Му собирался было вымыть травы и сварить из них похлёбку, но волна страшной слабости накатила из самых глубин тела, он успел лишь поставить инструменты на место — и в глазах у него мгновенно потемнело, после чего он плашмя рухнул у порога.

Система сканирует носитель... Завершено на 10%... 35%...

Сканирование завершено.

Начата проверка совместимости духовного тела и физической оболочки... Прогресс... 20%... 45%...

Проверка завершена.

Начато сканирование внешней среды... 1%... 2%...

Сканирование завершено.

Считывание информации о мире... Генерация данных мира...

Цзян Му спал так глубоко и сладко, будто собирался проспать целую вечность.

Пока чей-то шум не вывел его из забытья.

— Нань Юй Цзяму, ты как? Плохо себя чувствуешь? — раздался над ухом звонкий женский голос.

— Юю-цзе, брось ты его, если б он и правда вырубился, игровой капсуле пришлось бы выкинуть игрока из сети, — презрительно отозвался другой женский голос.

Цзян Му недовольно поморщился и слабо застонал.

— Он очнулся, очнулся! — Услышав его голос, Незабываемая Юйсы бросилась поддержать Цзян Му, а заметив его жутковатый цвет лица, поспешно обернулась к спутникам. — У кого-нибудь есть вода?

— Кто вообще носит с собой воду в игре, — с явной неохотой ответил какой-то парень. Ему этот Нань Юй Цзяму с самого начала стоял поперёк горла.

Зато девушка, которая ещё недавно выказывала к Цзян Му брезгливость, достала из рюкзака пузырёк с красной жидкостью: — У меня есть зелье исцеления, глянь, подойдёт?

Незабываемая Юйсы перехватила пузырек, ловкими движениями скрутила крышку и, поднеся к лицу парня, сделала большой глоток.

Парень, до этого не скрывавший гримасы отвращения, выпал в осадок: — Юю, ты что, серьёзно собралась?! Черт! Да чтоб мне так везти! Неужели богиня Юю собирается поиграть в больничку и поделиться кровью изо рта с этим Нань Юй Цзяму?! Очнись, богиня Юю! Мы знаем, что ты добрая душа, но неужели стоит приносить такие жертвы ради какой-то мухи?! Знал бы, что тут такие бонусы, тоже бы брякнулся в обморок!

Девушка тоже изобразила крайнюю степень потрясения: — Юю-цзе! Не надо!

Незабываемая Юйсы пропустила их вопли мимо ушей: она усадила Цзян Му, прислонив спиной к опоре, подалась вперёд и — Тьфу!

Парень: — ...

Девушка: — ...

Истинная богиня, наша Юю-цзе! Такой подход к назойливым поклонникам заслуживает высших похвал.

Так что Цзян Му, едва открыв глаза, тут же словил мощную струю крови прямо в лицо и на мгновение остолбенел: — ...

— Тьфу...

— Пхпхахахахаха!

Глядя на перемазанного кровью Цзян Му с отвисшей от удивления челюстью, парень и девушка покатались со смеху.

Оглядев стоявших перед ним парня и двух девиц, Цзян Му чувствовал себя абсолютно потерянным.

Незабываемая Юйсы неторопливо извлекла из сумочки аккуратный белый платочек и, утонченно промокнув следы крови у рта, извинилась: — Нань Юй Цзяму, прости, ради твоего же пробуждения мне пришлось поступить именно так.

Цзян Му было не до липкой жижи на лице — он лишь застыл с круглыми от изумления глазами, напоминая коалу, которой посреди трапезы сообщили, что её любимые листья щедро сдобрены экскрементами.

Окружающее пространство напоминало парк аттракционов в жутковатом стиле: судя по всему, заброшенный уже давным-давно, со следами облупившейся краски и поломанными каруселями. У входа красовалось ярко-красное, как кровь, полотнище с выведенными мертвецки-бледными буквами: Добро пожаловать в парк Ужасов.

— Эй, ты живой вообще? — Заметив, что Цзян Му молчит и не выражает никаких эмоций, та самая девушка, что только что заливалась смехом, тоже посерьёзнела.

Цзян Му с трудом собрался с мыслями, перевёл взгляд на девушку, которая всё ещё прикрывала рот рукой, хихикая, и тут его словно ледяной водой окатило. Он с ужасом обнаружил, что у этой миловидной особы никнейм отличался запредельной пошлостью: Заслуженная стервочка.

— Нань Юй Цзяму! Ты что притворяешься... — Тот самый парень потерял терпение при виде жалкого вида Цзян Му. Сделав шаг вперёд, он уже собирался высказать всё, как вдруг лицо его странно переменялось. Скользнув взглядом ниже пояса Цзян Му, он презрительно скривился и фыркнул: — Фу, какая мерзость.

Тот бы и не обратил внимания, но, проследив за чужим взглядом, опустил глаза и едва не лишился чувств от ужаса. Лицо его залило густой краской: — Это... что ещё...

Он обнаружил, что обмочился.

И ладно бы просто обмочился.

У него ещё и стоял...

Взрослый мужик, посреди бела дня, перед двумя милыми девчонками и суровым парнем...

— Я... я... — Цзян Му попытался что-то выдать в свое оправдание, но стоило ему открыть рот, как чужеродный массив памяти хлынул в сознание с такой силой, будто черепная коробка сейчас лопнет от напряжения. От невыносимой боли хотелось буквально выскрести себе мозги.

— Нань Юй Цзяму... ты чего... — Заметив перемену в лице Цзян Му, Незабываемая Юйсы уже хотела расспросить его, но вдруг прямо перед ней вспыхнула дуговая искра — и Цзян Му исчез без следа.

— Юю, забудь ты про него. Наверняка этому парню стало настолько стыдно, что он просто вышел из игры, — утешил её парень по нику Отражение утреннего света. — Давай лучше играть сами, нечего думать об этом уроде, только настроение портить.

— Точно, Юю-цзе, наконец-то избавились от него, давайте продолжим, — промурлыкала девушка, переводя лукавый взгляд с Отражения утреннего света на Незабываемую Юйсы.

<http://bllate.org/book/24959/2952097>